

Мутации христианской идеи в романе Горького «Мать».

2017 год отмечен двойным 100-летием, Февраля и Октября, едва ли не самых знаменательных событий XX в. (не так по масштабу и значимости, как по непредсказуемым последствиям) Сопоставление их причин и следствий, близости и противоположности требует переосмысления через опыт нынешней Смуты.

Наряду с этим исполняется 110 лет с выхода, пожалуй, самого «революционного» (по степени идеологичности) романа XX века, заложившего основы пресловутого соцреализма, мнимо-художественного метода, выросшего из издержек модерна, приправленного социальной демагогией. Эта близость полярных сфер (образа и идеи, культуры и политики) ждет своего объяснения.

«Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

А. С. Пушкин

Что русский бунт беспощаден, как любая стихия, нет сомнений. Но вытекает ли отсюда бессмысленность? По форме – да, а вот по надмирным целям, внеположным земному, еще вопрос. С этим связано осмысление сути революции.

Безусловно, это национально-историческая и социально-культурная катастрофа, Драма космического масштаба.

Роман «Мать» создан в 1906 г., в период увлечения Горького культурным евангелизмом, идеей богоискательства и богостроительства. Конечно, проповедник социального активизма тяготел к строительству. Но ему близко и искание Истины, как бы он ее ни понимал. В этом КАК и скрыта суть! Потому обозначим отношение Горького к Богу, религии, Церкви, его восприятие Христа и христианства. Это была сектантская ересь, протестантского типа.

1. Бог и Христос у него разделены. «Вера» автора скрыта в реплике Ниловны: «Насчет Бога – не знаю я, а во Христа верю... И словам его верю – возлюби ближнего своего...» (18 гл. 2-й части)¹. Христос для них не Богочеловек, а человекобог. Они не безбожники, не богоборцы в прямом смысле, а люди, жаждущие веры! Вопрос, какой? В Церкви они видят лишь социальный организм. Потому негативное отношение к ней неизбежно. Л. Толстой уверял Горького: «Вы по натуре верующий, и без Бога Вам нельзя...» Все упирается в содержание веры. У обоих оно явно еретическое.

Любая ересь в христианстве идет от гностики, смеси язычества и иудаизма. Ересям присуще боговопрошание, беспокойное искание истины, града Божия на

¹ Положительный герой – всегда рупор идей романтика.

земле². Это в нас из нашего повреждения, детского (не по чистоте, а по слабости) отношения к Богу как Отцу, подателю благ! **Причины** диссонанса коренятся в детстве, в проявлении *детских комплексов*: *двоебожие* бабушки и деда. Бог бабушки – милостивый, всепрощающий (Христос); Бог деда – суровый, карающий Иегова. Образ Бога-Троицы в *народном, обрядовом* благочестии, истоке ересей, расщеплен изнутри, функционально! Горький пишет о своем пантеоне: «Лет восьми я знал уже трех богов: дедушкин – строгий, он требовал от меня послушания..., а у меня все это было слабо развито, и, по воле бога своего, дедушка усердно вколачивал качества эти в кожу мне; бог бабушки был добрый, но какой-то бессильный, ненужный; бог нянькиных сказок, глупый и капризный забавник, тоже не возбуждал симпатий, но был самый интересный». «Бабушкин Бог был понятен мне и не страшен, но перед Ним нельзя было лгать, — стыдно. <...> Я и во храме разделял, когда какому Богу молятся: все, что читают священник и дьячок, — это дедову Богу, а певчие поют всегда бабушкину. ...Дедов Бог вызывал у меня страх и неприязнь... <...> В те дни мысли и чувства о Боге были главной пищей моей души, самым красивым в жизни... Бог был самым лучшим и светлым из всего, что окружало меня, — Бог бабушки, такой милый друг всему живому. И, конечно, меня не мог не тревожить вопрос: как же это дед не видит доброго Бога».

Ребенком мечтал «дойти до бабушкина бога, до ее богородицы и сказать ей всю правду о том, как плохо живут люди...» Но жизнь давит, и он, подобно Ивану Карамазову (по форме, а не по смыслу), «возвращает свой билет» Богу.

2. Второй момент – понимание социализма. И третий – как христианство и социализм стыкуются, как логика *богоискателей* (поиск смысла, праведности) вырастает в *логицизм богостроителей*. Без ответа на эти узловые вопросы многое в нем остается смутным. Так возникает связка **Личность – Бог – народ – социализм** (и смысловые аналоги). Для понимания его позиции важен учет его связей с классикой (Достоевским, Толстым), с модерном в лице Блока.

Романтике присущ *социальный пафос, протестантский активизм* индивида (*аскеза в миру*, без затвора: таковы *праведные странники Лескова, босяки Горького, уход Толстого*). Горький творит культ не Бога-Отца, а человека-творца, народа и индивида (антрополатрия, человекобожие Шюре, Ренана), что связано с *христианским социализмом и стоицизмом* в формах героики, мифов Ницше, культ героя; Но у Горького, в отличие от Ницше, герои противостоят *власти земли*, роду и року. В этом плане Ницше более архаичен, укоренен, *почвен*.

² И атеизм есть вера, но вне Бога! *Манихейство, монтеизм, богомилство, альбигойство* – начала пуританства. О грубом богоотвержении в его крайней форме нет и речи; это *бобообрчество ищущее*, но не обретающее. Таковы герои Достоевского (образованные особенно, тот же Иван Карамазов).

В основе сбой лежит идея *теодицеи*, жажда оправдания Бога, поправки Его промаха в творении. В отношении же человека это – неадекватная оценка свободы, как ее избытка, так и недостатка. Отсюда ревизия Предания, опыта Церкви, зуд реформ Церкви, приспособления ее под свои нужды, утилитарное видение Бога, исток Реформации. Идея: Христос – твой друг есть начало позитивистское, исключающее элемент мистики, тайны, посвящения, исток секулярности, десакрализации. Христос, якобы, родился из страданий людей! По форме, по *моральному импульсу* верно, а по сути – профанация! Религия несводима к социальной роли, цели совершенствования мира, это одна из ее задач, факультативная. Идея *справедливости* как равенства – идея языческая и ветхозаветная, земная; в истоке ее любовь-долг, потребительство; альтруизм насильствен, эгоистичен по мотивации.

Маркс, Ницше, Фрейд – кумиры эпохи. Горький их гуманизм, социальность, экономизм, мифологию и психиатрию поэтически связует вместе. В их сплаве его сила и его умозрительность.

Но при опоре на Маркса у Горького доминирует *не экономический*, а *человеческий*, социально-антропологический, даже антропоцентристский мотив, что связано с профессиональной и национальной его принадлежностью: *человек и народ* у него ключевые понятия. Но его прямолинейный позитивизм, задор просветителя пронизан лиризмом, смягчен сердечностью, окрашен душевностью (*сердце, душа* – определяющие у него, русского романтика, понятия).

В этой связи вернемся к *богоискательству* и *богостроительству*: что в них общего и в чем различие? Общее то, что оба направления возникли почти в одно время, в схожей историко-социально-культурной среде, в ситуации конца XIX – начала XX вв. Они имеют схожую по структуре, составу *почву*. Различие же скрыто в их политико-идеологических корнях: принадлежа эпохе перелома, они отражают начало и финал.

В основе явления *богоискательства* и *богостроительства* лежит конфликт земледельческой культуры и индустриальной цивилизации (спор *города* и *деревни*); это различие охранительно-экономического и радикального *народничества*. Между *совестной чуткостью* богоискателей (эсеры-традиционалисты) и *воинствующим атеизмом* богостроителей (большевистский авангардизм) есть общий момент переживания ими крушения старого уклада, смены сознания. Но одни тоскуют по старому, другие его гибели рады³. И заметим, тема *народа*, нации, *почвы*, пробуждения национальной идеи в XIX в. – стержневая в Европе.

Конец века нашел отражение в декадансе. Под влиянием антиподов, В. Соловьева и Ф. Ницше, декаденты стремились преодолеть противостояние мира и у декадентов занял Бога, земли и неба, материи и духа. Связующе выразительным средством стал символ. Через него они хотели проникнуть в сущность бытия. Горький оказался на стыке социальных и поэтических исканий.

Богоискательство стало модой, общество проявило интерес к религиозной теме. Декаданс побуждал к преодолению тотального отчуждения, в т.ч. мира и клира, стремившихся к диалогу. Но демократизация и эсхатологизм эпохи были чужды Синоду. Первая русская революция вывела богоискательство на новый уровень и к новым формам. Либералы под влиянием среды меняли тон на радикальный; четче наметились размежевания.

Знаменем эпохи стали Достоевский и Толстой, знаковыми фигурами – философы-публицисты, оппонировавшие друг другу В. Розанов и Н. Бердяев. Апологетами «обновления» религии стали Мережковский и символисты, подменявшие культ культурой. Мережковский в Грядущем Хаме ярко отразил процесс: «Тянулась, тя-

³ Типологически их позиции соотносимы с ролью Авеля и Каина. Недаром религиозные философы-идеалисты (Бердяев, Булгаков) прошли через искус революционным народничеством и экономическим марксизмом; но один ушел влево, другой – вправо. У течений единый исток – реакция на *революцию*, ее отторжение или приятие. Так славянофилы и западники восходят к противостоянию космополитически или национально ориентированной мысли Просвещения (Радищев и Новиков, а вслед декабристы и нигилисты, радикалы-демократы; а в параллель – Фонвизин и Крылов, затем лубомудры-шеллингианцы).

нулась канитель марксистская, а потом босяцкая. Сначала мы думали, что босяки-то уж, по крайней мере, – самобытное явление. Но когда пригляделись..., то оказалось, что точно, как русские марксисты повторяли немца Маркса, так босяки повторяли Ницше. Важно заметить, что одну половину Ницше взяли босяки, другую – наши декаденты <...> Важно заметить, что одного немца пополам разрезали и хватило на два русских “новых слова”» [19, с. 188]. Того и другого резко критиковали В. Розанов и С. Булгаков. Причину потрясений они видели в индивиду и расщудочности. Семья (род) и Церковь (Дух), по их мысли, оставались оплотом единства. Народники и модерн в *свободе-равенстве-братстве* ищут эсхатологию, идею миллениума. И одним ближе эсеры; другим – меньшевики. Но романтика революции, утопия социализма вели в тупики насилия. Л. Толстой же считал причиной революции земельный вопрос. Либералы историю оценивали с эстетико-культурных позиций; в сборнике «Вехи» они обвиняли радикалов в исторической безответственности и культурном нигилизм; революционной анархии противопоставляли реформы.

Богоискатели с их идеей *праведности, правды*, оказались оппонентами *богостроителей*. Уже пьеса «На дне» отразила тенденции их распри. Общей почвой был *иудейский хилизм* (искание правды на разных путях: Лука и Сатин, как Власов и Рыбин, – оппоненты, но родственно симпатизируют друг другу; в них скрыты позитивные и негативные коннотации: так правдолюбец Сатин уже именем ассоциируется с Сатанайлом, а Лука, при соотнесении с евангелистом, лукав, простонародно увертлив; автор то пафосен, как Данко, Сатин, то двусмыслен, как Лука).

Героев Горького трудно оценивать однозначно, позитивно или негативно: *богостроитель* Павел Власов и *богоискатель* Михаил Рыбин. Автор тяготел к первым, видя обреченность вторых. В этом смысле он предугадал XX в.; большевики-пролетарии одолели эсеров-интеллигентов, апологетов деревни. Но победа была Пирровой.

Не было единства и у социал-демократов. Оппоненты Ленина (Базаров, Богданов, Горький, Луначарский) в видении человека исходили из биологических позиций, из его жажды наслаждений, радости. Идеал они видели в балансе человека и среды. По их мнению, место Бога должен занять народ. Должен умереть старый культ, но не религиозная связь человека с миром. Личной связи с Богом *богостроители* противопоставили растворение личности в массе. Так, мысль о *единстве каждого со всеми* получает ложный вектор. Луначарский подал идею *заражения* народа социальным энтузиазмом, основой творчества. Утопия социализма воплощается им в коллективном экстазе масс. В его теории отразились идеи Фейербаха, Ницше, Авенариуса. Ленин, безусловно, противился всякой религиозности.

Увлечение *эмпириокритицизмом* позволило Луначарскому найти объяснение психике человека. Он пришел к тем же выводам, что и Горький: истина – в нашей психике. Вера придает жизни смысл, а человеку силы. Социализм и представлял итогом развития человека. Идеал, имея религиозную окраску, получает форму культа. *Идея и обрела его* статус. Но отметим, что во взгляде на природу и человека у Горького возникли расхождения с соратниками. Показательны и разногласия бо-

гостроителей с ленинцами; исток их понятен – спор практиков и теоретиков. Победа прагматиков предопределила судьбу *школ*, Горького на Капри и Ленина в Лонжюмо.

II. «Человека создает его сопротивление окружающей среде». Горький-романтик остался на стыке западных кумиров нашей радикальной интеллигенции. Томас Манн определил его как *мост между Ницше и социализмом*. Замес из Ницше и Маркса в социальном мифе и культурном символе примирял жажду *равенства всех и бунт индивида*, укреплял героику, иррационально-волевой активизм. Горький признает, что он марксист не по Марксу, не схоласт, а потому *«что так выдублена кожа»*. Он пишет народнику Скабичевскому в 1897 г.: «Я – не марксист и оным не буду веками, ибо знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на нее». *Историсофия* Горького сложилась в 1884 г. в Казани, где он, работая в лавке народника А. Деренкова, изучал Маркса, искаженного «Историческими письмами» П. Лаврова, статьями Н. Михайловского («Герои и толпа»). Горький через народников пытался понять роль случая и логики, *масс и личности* в истории. Вина ими возлагалась на интеллигенцию, а народ оставался в спячке. В отличие от народников Горький ищет опору в *почве*. Миссия интеллигенции – ее просвещение. После *хождения в народ* в 1896 г. вектор сменился от *героических* начал к *коллективным*: творцом жизни стал *народ*.

То же можно сказать о его «нищееанстве», что стало реакцией на буржуазное *потребительство*. Ницше отверг *мещанскую* культуру, расслабляющую человека. Виталист-богоборец Ницше анти-церковен. Но Горький не нищееанец: *Ницше шел от человека – к природе, Горький от природы – к человеку*. Его идеи вошли в *красный* проект, Ницше – в *коричневый*. Индивидуалист Ницше аристократичен, как Ларра; коллективист Горький демократичен, самоотвержен, как Данко. Важна мысль Горького о *рождении человека в коллективе*: «Народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить все возможное – в необходимое, все мечты – в действительность». *Нация, Россия у него – единая историко-культурная общность и личность*.

Горький тяготел к культуре низов, близкой к природе и мифу. Он изучал фольклор и ереси, сектантские движения, видел в них *истоки русского коммунизма* (выражение Бердяева; иначе не понять *народные корни революции*). Но он не так чтит природу, как преодолевал ее. Потому выделим его борьбу с природой, средой: «Я никогда не восхищался «разумом природы», не верил в него и не верю, ибо в природе слишком много бессмысленного и вредного для человека — лучшего и самого сложного из ее созданий». Противоречие скрыто в борьбе человека с природным началом в себе. Что для Горького природа? «Первая природа — хаос организованных, стихийных сил, которые награждают людей землетрясениями, наводнениями, ураганами, засухами, нестерпимым зноем и таким же холодом. Природа бессмысленно тратит силы свои на создание болезнетворных микроорганизмов, истощая здоровые соки, потребные для произрастания питающих человека злаков и плодов». По Горькому природа не способна развиваться, она подобна «страшному

и глупому зверю Левиафану — рыбе, которая бессмысленно мечет неисчислимые массы живых икринок и так же бессмысленно их пожирает...».

Природе противостоит разум, что выше природы. Горький придает человеку роль познающего органа: «Природа ... в лице человека создала ... орган для познания себя самой. Как в каждом из нас высшим, качеством... является мозг., так очень может быть, что в природе человек является точно таким же мозгом...» (лекция «О знании», 1920). Человек отвоевывает у природы участки «волей, интуицией, воображением, разумом в интересах обогащения ее «дарами», — ее энергиями...». «Энергия человека тоже создается природой, разум человека — самая ценнейшая, самая мощная из всех её сил, — сила, которая, подчиняя своим социальным интересам и целям все остальные энергии природы, преобразует её сообразно этим интересам и целям». Зло — это хаос, присущий природе, «мертвой материи». Лицом ее предстает мещанство. Это напоминает бунт нигилиста Ипполита (и Белинского!) против природы в «Идиоте».

Горький разделяет мещанина и Личность, их отношение к жизни. В его метафизике мещанам «противно всё, что активно, что проникнуто духом творчества». «Мещанство — это проклятие мира; оно пожирает личность изнутри...» В личности горит огонь Прометея (ср., сердце Данко). Мещане — не сословие, а синоним зла, застоя, смерти.

Противоречие у Горького — не между Творцом и хаосом, а между человеком и природой; скрыто в самом творении. Банкротом предстает Творец! Его должен сменить новый Бог — Человек и народ. Горький видел *алогизм* своей логики: если творение ущербно, как оно может дать нового творца? Подтверждением является его письмо биографу Груздеву 1926 г.: «Человек — светило, зажженное во тьме хаоса, может быть против воли «природы», случайное творение в безумии ее творчества...». Так первым революционером предстает Сатана. А Прометей, бунтарь против злого Бога, близок Сатане и Антихристу. Горький не преодолел своих диссонансов. В «Несвоевременных мыслях» (1917) он пишет: «Сегодня — день Рождения Христа, одного из двух величайших символов, созданных стремлением человека к справедливости и красоте. Христос — бессмертная идея милосердия и вечности, и Прометей — враг богов, первый бунтовщик против Судьбы, — человечество не создало ничего величественнее этих двух воплощений желаний своих. Настанет день, когда в душах людей символ гордости и милосердия, кротости и безумной отваги в достижении цели — оба символа скипятся во одно великое чувство и все люди сознают свою значительность, красоту своих стремлений и единую связь всех со всеми».

Михаил Агурский замечает: «В начале тридцатых годов Христос становится для Горького воплощением Прометея, ибо он увидел и в Христе восстание сына против отца», против его мира. Сплошные подмены, замещения, передергивание понятий, смысла. Концепция *богостроительства* дана Горьким в интервью журналу *Mercur de France* (1907): новый психологический тип — совершенное существо, которое будет обладать гармоническим развитием всех своих способностей, преодолевшее внутренние противоречия; — социализм создает почву для становле-

ния и развития этого существа, так как обеспечивает свободное и широкое общение между людьми равными; – религиозное чувство есть гордое и радостное ощущение гармонической связи, соединяющей человека со вселенной. Это чувство рождается в присущем каждой личности стремлении к синтезу, оно питается опытом и превращается постепенно в религиозный пафос, благодаря радостному ощущению внутренней свободы, пробудившейся в человеке; – дорога человечества – дорога, которая ведет к духовному совершенству. Осознание процесса должно пробуждать во всяком душевно-здоровом человеке религиозное настроение, то есть сложное и творческое чувство веры в себя, в победу, пробуждать любовь к жизни и удивление перед мудрой гармонией, которая существует между человеческим разумом и вселенной миром; – вера в бесконечный прогресс человеческого духа – основное условие формирования у человека религиозного чувства; – прогресс в технике, науке и искусстве создает религиозное чувство; в центре... – человек творец. Горький вникает в идеи Маркса, читая «Искру» в 1901 г. В истории Рима, что он изучает в тюрьме, находит причины смены формаций; в богостроительстве ищет альтернативу «язычеству» господ и «фанатизму» клира. Так возникла идея новой *религии*, отвечающей *жизни*, сменился ход мысли. В 1901 г. он перешел к политической активности, а в канун первой революции вошел в РСДРП (б). Но *смута* религиозных чувств осталась.

Горький примыкает на время к старообрядцам, работая в мастерской иконописи. Он считал их тогда своими учителями жизни: «среди скучной и бессовестной действительности, – они показались ... людьми великой духовной силы, лучшими людьми земли». Его привлекает близкий ему дух бунтарства старообрядцев. И этот приют души был недолгим – в старообрядчестве он не нашел опоры против мерзостей жизни. «Это крепкая вера, но застывшая во времени и погрязшая в обидах, озлоблении и зависти, а главное в этой тёмной вере слишком мало лучей любви». И как признается позже Горький: «Но для того, чтобы убедиться в этом, мне пришлось пережить много тяжелых лет, многое сломать в душе своей, выбросить из памяти». Учителями жизни стали книги. Начинаются аресты казанских друзей, умирают дед и бабушка, он теряет эту призрачную опору. Устав от «угловато и несложненно совмещающихся противоречий слова и деяния», в 1887 году он совершает попытку самоубийства, но пуля пробивает лишь легкое. За попытку самоубийства его отлучили от Церкви на семь лет. А в 1889 г., пишет поэму «Песнь старого дуба», проведя черту под жизнью в сохранившейся строчке: «... Мы пришли в этот мир, чтобы не соглашаться».

Он обобщит свой взгляд на человека и мир в «Моих университетах»: «... Человека создает его сопротивление окружающей среде». *Бунт* Горького вывел его на путь к иному пониманию человека, к борьбе за идею общности. Но оно не сняло разногласий «*между богом бабушки и богом дедушки*». Суровый дедов Бог вбирает в себя и пылающее любовью к людям сердце Данко, и вечный мрак жизни. В центре мира встанет человеко-бог (сверхчеловек Ницше), жертвующий собой ради людей. Взгляды Горького не обрели завершенности из-за смуты в душе, уxo-

дящей в детскую религиозность; самой яркой формой их выражения осталась романтическая метафорика, символика модерна.

В 1910 году Горький определяет социализм в свете богостроительства: «Большевизм мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего личного человеческого достоинства. Иного пути – не вижу. Все иные пути – от мира. Один этот – в мир. Требуется, чтоб человек, однажды, сказал сам себе: аз есмь создатель мира. Именно отсюда – и только отсюда! – может родиться новый человек и новая история». Не принявшего голый марксизм писателя тревожит тема *отчуждения*, что должно быть снята социализмом. Он пишет: «Да здравствует эта новая религия, которая освобождает бедняков от оков бедности и невежества, а богатых – от позорного бремени золота и предрассудков» (1906). – Сплошь умозрения, утопия. И тут же рассматривает социализм как «великий процесс собирания раздробленных жадностью, пошлостью, ложью, злобой людей в единого великого Человека, прекрасного, внутренне свободного, цельного» – лже-пафосность. «...Народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить все возможное – в необходимое, все мечты – в действительность» – **Народо-латрия**, сакрализация, новое **идолопоклонство**.

III. «Не трогайте мой социализм». Художественное обоснование *религии социализма* и дано в романе «Мать» в подтверждение идеи Маркса: «...Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (1844). Горький описывает процесс как ощущение родства по духу всех рабочих, «*это чувство сливало всех в одну душу*». *Коллективизм* рассматривался им как та религия, что будет влита в старые формы, не поддающиеся разрушению.

«...Как можно без веры в Бога жить такую жизнью?» – спрашивает мать Сашеньку. «...Душу убивают», – говорит Павел матери. В финале, в сцене ареста она кричит: «Душу воскресшую не убьют!» «Нечистая она, наша бабья любовь!... Любим мы то, что нам надо. <...> И все другие люди за народ страдают, в тюрьмы идут и в Сибирь, умирают... Любят они! Вот они – чисто любят! Веруют! А я не умею так! Я люблю свое, близкое!» (Андрею Находке. Он отвечал: «Все любят близкое, но – в большом сердце и далекое – близко!». «Павел – редкий человек! <...> Железный человек...») (*Рахметов* Чернышевского) «...Голод души сожрал, лики человеческие стер». «И невинно убиенных – Сила правды воскресит!..» – стихи неизв. Иудея (выхолощенная вера иудаиста. «А то говорят: на образ глянешь – свят не станешь!»). – «Смертию смерть поправ – вот! Значит – умри, чтобы люди воскресли! И пусть умрут тысячи, чтобы воскресли тьмы народа по всей земле!» (Рыбин. Переключка не с Христом лишь, а с теорией Раскольниково). Недаром автор Павла Власова сравнивает с Христом, его друзей с апостолами; демонстрацию 1 мая с «крестным ходом». Все заповеди смещены, смешаны, извращены; на автора завели дело о богохульстве. Ленин, ознакомившись с романом в рукописи, отметил его *своевременность*.

«Она и раньше видела это – богатые церкви и шитые золотом ризы попов, лачуги нищего народа и его позорные лохмотья, но раньше это казалось ей естественным... По картинкам, изображавшим Христа... она знала, что Он друг бедных, одевался просто, а в церковь, куда беднота приходила к нему за утешением, она видела Его закованным в наглое золото и шелк... И невольно вспоминались слова Рыбина: «И Богом обманули нас!» – Вот «протестантское» сведение Бога к утилитарно-земной функции «друга бедных», якобы, открывающее, культивирующее идеалы первохристиан. Из образа изъят духовно-мистический нерв Боговоплощения, Теофании и Пасхи.

Здесь (в социальности и полуязыческом иудаизме) корень всех спекуляций и искажений, утилитарно-потребительского, собственнического отношения к Христу, секулярно профанированному, сниженному до человекобога, героя бабьих бабсен. Николай Иванович «настойчиво, с непоколебимой уверенностью в правде своих пророчеств... говорил ей сказки о будущем». Для него свобода (прежде всего социальная) и довольство, сытость подменили Бога, дары заменили их Даятеля. По сути, эта логика, давая иллюзию свободы от зла не выявляла метафизическую природу зла, не выводила из тупиков, не освобождала от оков. На деле же вела к самоотвержению без цели, к культуре танатолатрии, смертобожества.

Церковь и Народ (гл. 8). «Мать» – поиск не Бога, а Идеи, что Его заменит; вот суть богостроительства: «Я говорил, – продолжал Павел, – не о том добром и милостивом боге, в которого вы веруете, а о том, которым попы грозят нам, как палкой, – о боге, именем которого хотят заставить всех людей подчиниться злой воле немногих...» «Они и бога подменили нам..! Ты помни, мать, бог создал человека по образу и подобию своему, – значит, он подобен человеку, если человек ему подобен! А мы – не богу подобны, но диким зверям. В церкви нам пугало показывают... – Переменить Бога надо, мать, очистить его! В ложь и в клевету одели его, исказили лицо ему, чтобы души нам убить!» (Рыбин) – «Только разум освободит человека!» – твердо сказал Павел». – Свято место не должно быть пусто. Там, где Бог живет, – место наболевшее. Ежели выпадает он из души, – рана будет в ней – вот! Надо, Павел, веру новую придумать... надо сотворить Бога – друга людям! – Так! Значит – Бог в сердце и в разуме, а – не в церкви! Церковь – могила Бога». «...У кого ноги в землю не вросли, те под твою музыку танцевать будут. Рыбин верно сказал – мы под собой земли не чувствуем, да и не должны, потому на нас и положено раскачать ее. Покачем раз – люди оторвутся. Покачем два – и еще!» – Слова Андрея Находки Павлу отсылают к Петруше Верховенскому (из «Бесов» Достоевского) о раскачке земли и мировом пожаре.

В романе сохраняется кроющийся в двоении души поиск доброго Бога бабушки. И есть смещение акцентов в сторону замены Бога новой верой, что должно снять противоречие между разумом и верой. Именно это и придает остроту богостроительству. «Господа нашего Иисуса Христа не было бы, если бы люди не погибли во славу Его» – мать (финал 1-й ч.). В сцене ее ареста: «Душу воскресшую – не убьют!» – ответ словам Павла: «...Душу убивают» (24 гл. 1 части). Речь матери Петру и Степану в деревне (кон. 17 гл.) – ее блестящий дебют миссионера-пропагандиста.

«И Богом обманули нас», – сетует Рыбин. Искание Бога переходит в созидание идола – человека-творца из народа. Антрополатрия, персоноцентризм, народопоклонство, революционное народничество, где Революция – новая религия. Манифестация – «крестный ход», катакомбы, секта. Новое все: пересотворение, преобразование – небо, земля, церковь, Бог, культ, Христос рождается из сострадания к людям, из их страданий. Возврат к чистоте первохристиан: к раю на земле. Хилизм – новая общность, см. 4-й сон у Чернышевскоо – фетишизация своеволия, потребностей!

Не национальное, а всемирное, условное братство и почвенничество – умозрение, рассудочная фантазия.

Теургизм, жизнестроительство, очищенное, выхолощенное, христианство с подменой Лица – идолом, кастрированное кумиротворение – идолопоклонство. Христианский социализм – упор на социум, общность, а Христос здесь – лишь символ, знак, маркер. Перестановка акцентов, подмены, смещения, замещения. Социоцентризм, вм. Христа; лже-метанойя.. Фразеология романа («Молодое сердце всегда ближе к правде», 24 гл.; «И это – будет!», финал речи Павла) отсылает к «Буди, буди» монахов из «Карамазовы». Речь Павла – апофеоз его образа; речь Матери при ее аресте – кульминация ее образа и идеи всего романа.

Поэтика романа. Автор пишет В. Львову-Рогачевскому: «Мать... – вещь неудачная, не только внешне, – потому что длинно, скучно и небрежно написана... Тоску мою следовало бы, – мне кажется, – рассматривать как тоску о личности, о человеке, – о том, чего нет в русской жизни и что я – более или менее неудачно – пытался найти, создать, выдумать, поставить на ноги». – Дело не просто в форме, а в идейных посылах, ее задающих. Конечно, текст вполне сумбурный, но и жестко сконструированный, идеологически выверенный. Недочеты его связаны с жанровой разновидностью идеолого-просветительского романа, что вытекает из его целей и задач, касается прежде всего стилистики. Это традиция европейского рационализма, художественной публицистики, идеологического романа, идущая от Чернышевского и Герцена, просветителей, Томаса Мора, Томазо Кампанеллы, Фомы Кемптена, Фомы Аквината.

Языку автора присуще объектное, отстраненное восприятие героев, прежде всего Ниловны, несмотря на то, что с ее позиций и ее глазами показаны все события. Но она объект изображения, иллюстрирующий основную идею романа – закономерность и неизбежность прихода в Революцию, даже столь забытых людей, как героиня (их в первую очередь).

Другую цель определяет желание оправдать Революцию связью с христианством, укрепить ее статус исторически авторитетом, показать ее как высшее достижение и неизбежную вершину эволюции. Крайний Судья предстает первым бунтовщиком. Революция есть реализация всемирного идеала! Отсюда возникает необходимость в риторике, речевой тавтологии, присущей сакральным текстам. Многоглаголанье, велеречие, словесное узорочье, тавтология – знак риторичности религиозности. Революция – это новый культ и высшая форма религиозного мировосприятия! Здесь романтика сплетается с архаикой рефлексивного традициона-

лизма. Рассудочный символизм и предполагает яркую метафорику. Все это черты становящегося модерна. Горький – модернист, тяготеющий к богостроительскому (элементарному), а не богоискательскому изводу, в переплетении полюсов. Описательность, иллюстративность, монологизм, пафосный риторизм. Кровь сердца и почва плоти.

Отметим смену оценок: упоение первой русской революцией и неприятие Октября. Опыт страданий отрезвил от эстетизации стихии, насилия. А Февраль стал изменой либералами, интеллигенцией интересов нации, за что и заплатились гражданской бойней. Но у Горького сила жизни – в просвещении пролетариата, творящего историю.

Он не доверял провинции, ее *свинцовой* инерции, дикости *деревни*. Удастся ли интеллигентам и пролетариям поднять Русь? Или *бунт беспощадно* зальют кровью комиссары? Пугал фанатизм и разгул стихий, *местечковая* жестокость пришедших в революцию мстить за былое унижение. Стихию пробудили, она всех и погубит. Взбесившихся лавочников сменили изуверы-опричники ВЧК-ГПУ; умело управляемая *железная метла* мела чисто, всех подряд. «Революции нужны, чтобы уничтожать революционеров», – заметил Горький. Это та же мысль, что у Тютчева относительно Наполеона, уничтоженного породившей его Революцией; что у Блока, писавшего о революции: «Россия съела меня, как глупая чушка своего поросенка». Зло, как змея-уроборос, пожирает себя с хвоста. Творящий зло, первым терпевает от него – читаем в «Преступлении и наказании».

Резюме: 1. Истоки деформации христианских начал у Горького те же, что в декадансе: эклектика гностики, связывание Христа с язычеством, что восходит к Ренессансу. Но какое отношение писатель-«пролетарий» имеет к гуманистам? Такое же, как и к христианству, опосредованное! Серебряный век, когда он вошел в литературу, пафосно называют духовно-культурным возрождением. Пешков такой же пролетарий, как и христианин – никакой. Это то *опрошение*, что хуже воровства; *возврат* к псевдо-истокам обусловлен ничем иным, как зудом реформации, откращения от Духа, жаждой новации, потребительства и приобретения, не способного создать свое, присваивающего чужое. Это все тот же паразитирующий на Ветхом завете позыв, что близок иудаизму. А марксизм, ницшеанство, фрейдизм и пр. идеологемы – лишь яркие заплатки модерна, скрывающие наготу души, чуждую Христовой *нищете духа*.

Вопрос в том, что производно, что к чему присовокупить: социализм к христианству или наоборот? Ясно, что социализм вырастает из религиозности; социальное же христианство – это социальность в свете Христовой истины. У социалистов же все наоборот: идея вместо Лица. И *христианский социализм* – нонсенс: Христос сведен к земному, к человеку-богу (т.е. анти-Христ, вместо-христос, подмена, замещение).

В фокусе зрения Горького всегда были: Христос (личность) и Россия – социализм (строй) – Революция (путь): *интеллигенция* и *народ* в отношении к революции; *раздор* города и деревни. Он оказался прикован к идее революции, то ли созидания, то ли разрухи. Идея стала стержнем личности: он ее выпестовал, она его

истребила. Издавна повелось: мы творим образы, они подчиняют себе нас. Мечтать, как жить: не вредно, но опасно. Воплотившаяся утопия, реализованная мечта первым убивает мечтателя. «Любовь – дело жестокое», – учит Зосима у Достоевского. Урок революции (насилие романтико-утопической любовью) – урок горький; это опыт истории, которую забывают.

Культ *народа без нации*, плоти без лица – безликая *социо-патия*, симптом вырождения духа. Дикая смесь Маркса, Ницше и *новой вест* родили *национал-большевизм* тирана (*скифа-евразийца*) и *интернационал-социализм* юдофила-буревестника, бывших *семинариста* и *богомаза* (*душевные* их комплексы опускаю). В них явлен кризис *архаики* как типа мысли, *рефлексивный традиционализм*. Номинализм, позитивизм, протестантизм, Реформация, Революция питали дух *модерна*, века сего.

Что касается *богоискательства* и *богостроительства*, то Горький при всей приверженности последнему, был не вполне правоверным его апологетом, остался между полярными векторами. Сказалась интуиция художника, игра фантазии, близкая лицедейству. Ему присущи сомнения, колебания, двойственность, что не мешают поэту, но вредны для мыслителя и политика. Беспокойный еретик-народолюбец, гуманист-путаник вызывал опасения. С него и начали *большую чистку*. Горький оказался между *молотом* и *наковальей*, вождем новым и ушедшим, национал-большевистской и интернационал-коммунистической идеями. Расхождение с Лениным крылось в атеизме вождя-космополита; со Сталиным – в ориентации инородца на Россию: видимо, тирану претило *юдофильство* соратника. Свой *рай на земле* он был намерен строить не во всемирно-иудейском, а в великорусском стиле. Ульянов умел громить не им созданное; он и Троцкий – обреченные *метельщики* истории. Но был бы зодчий, а *каменщики* найдутся. Вопрос в цене и плате: *а за ценой мы не стоим!* Это все изломы *имперской* идеи, что имеем и нынче.

Мировая держава со *стальным* каркасом нации – предел наших дерзаний; ее деформации – итог их реализации. Близкие *имперскому богостроительству* идеи (не национальные, а интернациональные) развивает *трансгуманизм*. Ему близка мутная мистика, квази-научная фразеология, социально-культурная демагогия. Горькому это пришлось бы по вкусу!